

мизм мироощущения У. роднит его с А. Шопенгауэром, О. Шпенглером, Н. Я. Данилевским, Х. Ортега-и-Гассетом.

Особое место в творческом наследии У. занимают его исторические романы.

Свои мысли о сущности этого находящегося в упадке жанра он сформулировал в эссе «**Об историческом романе**» (1953): «После шумного успеха Вальтера Скотта исторический роман сошел со сцены. Как вид литературы он попал в категорию „книг для юношества...“ Читатель... усвоил взгляд на исторический роман как на „несерьезный“». По У., «исторический роман» — это «роман научный». «Главная его особенность в материале, почерпаемом... не путем вымысла, а обращением к науке» (**Диптих**. Нью-Йорк, 1967. С. 5–6). У. считал, что лишь Флобер сумел создать подлинный исторический роман — «Саламбо». Представления У. о жанровых принципах исторического романа нашли отражение в романе «Атосса», замысел которого возник у него в годы войны. В гитлеровском вторжении в Россию У. увидел аналогию с варварскими нашествиями прошлого, несущими угрозу существованию цивилизации, в частности, с описанным Геродотом походом персидского царя Дария на Скифию. Царь Дарий, его окружение, сложная политическая обстановка в Персидской империи того времени, описание похода на Скифию, скифские цари Скопасис, Скунка, Иданфирс даны в романе в соответствии с историческими источниками (по Геродоту). В создании образов главных героев (царицы Атоссы, милетского купца Никодема, спешащего на помощь скифам, чтобы спасти Элладу от персидского порабощения) У. не ограничивался ролью историка, а выступал как художник. Мастерство У. проявилось в ярком, афористичном языке, в лепке образов сложных исторических личностей. В романе предложена науч.-худож. реконструкция древней эпохи. Второй роман У. «**Сириус**» (1977) посвящен теме краха русской монархии. В нем У. показал, как «под знаком зловещей планеты» накренилась «корма родного корабля с певучим именем Россия» (Отклики: Сб. статей памяти Н. И. Ульянова. Нью-Хэвен, 1986. С. 61).

О творчестве У. в эмиграции высоко отзывались Б. Зайцев, М. Алданов, А. Ремизов, Г. Вернадский, А. Седых, Г. Адамович, И. Одовцева и мн. др.

Соч.: Басманный философ [Мысли о Чаадаеве] // Вопр. философии. 1990. № 8; [Очерк о поэте Гумилеве] // Человек. 1990. № 1; Петровские реформы (К во-

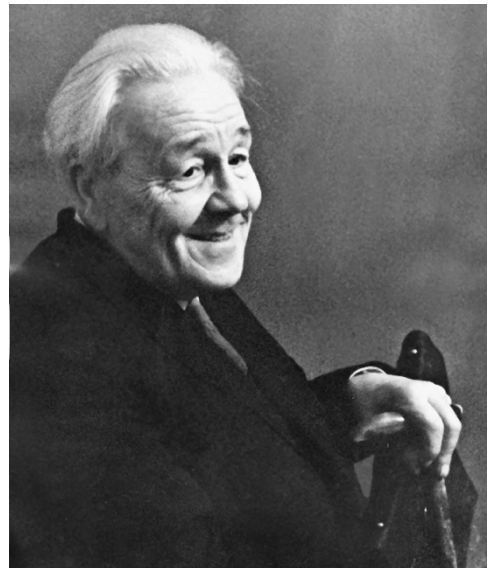
просу о месте Петра I в отечественной истории) / предисл. П. Базанова // Санкт-Петербургская панорама. 1992. № 5; Под каменным небом: рассказы [из кн. «Мантуанская ночь»] / предисл. А. Богословского // Юность. 1993. № 2; Первого призыва: рассказ / предисл. В. Кошелева и А. Чернова // Москва. 1993. № 9; Атосса: роман [ж. вариант] / послесл. А. Богословского // Юность. 1993. № 9; Роковые войны / публ. В. Кошелева и А. Чернова // Родина. 1993. № 7; Исторический опыт России // Бежин луг. 1994. № 1; Сириус: роман // Юность. 1994. № 3, 4; Атосса: [роман] // Роман-газ. 1994.

Лит.: Сечкарев В. Н. И. Ульянов — эссеист и ученый // Новый ж. 1975. № 119. С. 261–266; Муравьев П. А. С болью за Россию // Бежин луг. 1994. № 1. С. 127–133; Багдасдрян В. Э. Эссеист и ученый // Библиография. М., 1995. № 2. С. 77–89; Прозоров В. В. Николай Иванович Ульянов — литературовед Русского зарубежья // Литературоведение на пороге XXI века. М., 1998. С. 325–330.

В. Н. Запезалов

УСПЕНСКИЙ Лев Васильевич [27.1(8.2). 1900, Петербург — 19.12.1978, Ленинград] — прозаик.

Сын инженера-геодезиста. После окончания гимназии Карла Мая (1918) учился в Лесном ин-те, был землемером в Псковской губ. (1918–23). В 1920 мобилизован в Красную Армию. После демобилизации сменил много профессий (товарищ лесничего, лектор по биологии, преподаватель черчения, русского яз. и др.). Окончил словесное отде-

Л. В. Успенский

ление Высших гос. курсов искусствоведения при Ин-те истории искусств (1929). Ученик Л. В. Щербы, Б. А. Ларина. Занимался в аспирантуре Гос. ин-та речевой культуры (1930–32).

У. начал писать стихи и прозу еще гимназистом. Дебютировал в печати в 1928 статьей **«Язык революции»** (в сб. «Пять искусств») и детективным романом **«Запах лимона»** (в соавт. с Л. А. Рубиновым, под общим псевдонимом Лев Рубус). В 1930-е печатается в ж. «Чиж» и «Еж»: в незамысловатую форму короткого рассказа или маленькой науч.-популярной статьи облекаются истории с живыми людьми и словами, кораблями и самолетами, древними легендарными героями, истории морских сражений и сложных географических названий. Участвовал в создании Дома занимательной науки вместе с Я. И. Перельманом, мастером популяризации, у которого многому научился (вспоминал об этом не раз). Переработал для детей мифы Древней Греции: **«Двенадцать подвигов Геракла»** (1938), **«Золотое руно»** (1941, в соавт. с братом В. В. Успенским).

В годы Великой Отечественной войны У.—на фронте, участвовал в боях за Ленинград на ораниенбаумском «пяточке», был в блокаде. Военный корреспондент Балтфлота. Сближается в эту пору с Н. К. Чуковским, который вспоминал: «Во вторую зиму осады мы... много гуляли вдвоем по пустынным ленинградским улицам. Он так же, как и я, прожил в Ленинграде всю жизнь, но знал город несравненно лучше меня. Он знал каждый переулочек, каждый дом, каждый проходной двор, каждый мостик: он рассказывал мне даже историю некоторых деревьев на Островах. Вообще он удивительно много знал в самых разных областях...» (Чуковский Н. В осаде // Юность. 1966. № 1. С. 90). Картины военного времени, блокадного города запечатлелись в романе У. **«Шестидесятая параллель»** (1955, в соавторстве с Г. Н. Караевым).

Основная область работы У., писателя-филолога,— популяризация языкознания. Широкую известность получили книги **«Слово о словах»** (1954 и др. изд.), **«Ты и твое имя»** (1960), этимологический словарь школьника **«Почему не иначе?»** (1967), очерки по топонимике **«Имя дома твоего»** (1967), **«По закону буквы»** (1973) и др., образующие вместе со статьями о культуре речи науч.-беллетристическую эпопею о жизни русского языка, сложной, долгой, изменчивой, полной драматизма, а порой и курьез-

зов. В союзе исследователя и писателя по принципу цепочки вопросов приглашает к исследованию законов языка, приобщает, собеседуя, к нелегкому труду добывания научной истины.

Пропаганда науки всегда была для У., по его признанию, искусством. Характерно, что К. А. Федин, например, назвал «Слово о словах» не трактатом, не исследованием — «увлекательной повестью о своеобразных «приключениях» слов в истории русского и других языков» (Правда. 1954. 15 дек.). В книгах У. вершит свой праздник поэзия науки. Рассказ о жизни языка, об именах людей и географических названиях (топонимах), даже о такой прозаической материи, как правописание, бывает и лиричен, и патетически приподнят. У. как бы перелагает на язык природы звучные и загадочные географические имена. Топонимы хранят память о прошлом народа, иное географическое имя — как окошко, через которое «можно заглянуть в жизнь», протекавшую несколько тысячелетий назад. С именами городов, рек, селений нельзя обращаться беззаботно, своевольно менять их, безграмотно искажать. Восстановить географическое название, рассуждает У., так же трудно, как фреску работы Андрея Рублева или Феофана Грека.

Рассказам У. о языке неизменно сопутствовал юмор. Писатель знал цену шутке, веселому слову. Как выходят из положения языки, в которых имена существительные не различаются по родам, например английский, чтобы указать пол животного? Они вырабатывают приемы косвенного указания пола, на наш взгляд забавные, потому что «в применении к нашим обычностям это могло бы звучать как „котоваська“ и „котомашка“ или „котодяденька“ и „кототетька“». Комический эффект производит и необычный, вольный перевод иностр. имен на русский яз. (Септимий Север значит «Семеркин из Суровых»), и обратный перевод — «разоблачение» некоторых имен, казавшихся исконно русскими (приветствуя учителя физики: «Петр Никитич, здравствуйте!» — вы произносите: «Здравствуйте, Камень Победителей!»), и непривычные смешные «ботанически-зоологические» имена, которые придумывает писатель по аналогии с существующими: если есть «Роза Львовна», отчего же не быть «Фиалке Леопардовне» или «Настурции Гиппопотамовне»? Остроумные изобретения У. напоминают образы из «Записных книжек» И. Ильфа: одним росчерком пера набрасывается выразительный портрет, комический или откровенно издевательский.

Популяризатор науки, У. по ходу сюжета легко обращался то к мифологии, то к истории флота, наводил справки у археологов и «птицеведов», цитировал древних и совр. поэтов. Но это — легкость, оплаченная годами упорного труда, свидетельствующая о всесторонней образованности писателя.

У.— знаток и летописец Петербурга–Ленинграда. На протяжении мн. лет писатель жил и работал в доме № 41 по Красной (Галерной) ул., окно его кабинета выходило на Неву. Отсюда, из самого центра города, начинались далекие, увлекательные маршруты У. по петербургским улицам, набережным, площадям; отсюда расходились радиусы его путешествий в прошлое города. Во время этих воображаемых и реальных путешествий У. совершал много интересных находок, разгадывал тайны города (тайны его островов, фонарей, его каменных львов). В книгах **«Ленинград. Из истории города»** (1957, в соавторстве с В. В. Успенским), **«На 101 острове»** (1957, в соавторстве с К. Н. Шнейдер) образ города возникает как бы на грани науч. исследования историка и творческого воображения писателя. Поэзия города укреплена на прочном фундаменте и в переносном, и в буквальном смысле слова, когда У. рассказывает, «на чем стоит Ленинград», и выясняется, что он, «как сказочный богатырь, возлежит на каменном ложе с толстым матрасом кембрийской глины, поверх которого постлана тоненькая, но мягкая перина песка и торфа». У. по-своему воспитывает в людях эстетическое чувство, объясняя гармонию, отличающую архитектурные ансамбли города, планировку его улиц и площадей. В «Записках старого петербуржца» (1970 и др. изд.) У.-мемуарист особенно живо рисует запомнившиеся сцены домашней, городской жизни в начале XX столетия. У. работал над продолжением «Записок», публикуя в журналах воспоминания о своих учителях, гимназических товарищах и др.

В течение мн. лет У. собирал книгу рассказов **«Записки старого скобаря»**. Писатель сам называл себя скобарем (простонародное наименование жителя Псковского края), он любил Псковщину, в детстве и юности подолгу жил в псковском имении Костюриных (девичья фамилия матери У.), позднее работал в тех местах землемером, гордился знанием своеобразного псковского — «скобарского» — говора. Несколько «скобарских» рассказов вошло в посмертную книгу У. **«За языком до Киева»** (1988). За живыми, узорчатыми зарисовками быта, нравов, характеров Псковщины 1917–23 встает реаль-

ные картины времени. В рассказах, по словам У., беллетристика сливается с занимательной лингвистикой.

Много сил отдал У. сплочению сил писателей, работающих в жанре науч.-худож., фантастической и приключенческой лит.-ры. Выступления У. в различных аудиториях, в печати, на радио и телевидении всегда преследовали просветительские цели и получали широкий отклик читателей и слушателей.

Соч.: Слово о словах. Ты и твоё имя. Л., 1962; Имя дома твоего: Очерки по топонимике. Л., 1967; Записки старого петербуржца. Л., 1970; По закону буквы. М., 1973; За языком до Киева: Лингвистическая проза: Повесть. Рассказы. Публицистика. Письма. Л., 1988.

Лит.: Банк Н. Л. В. Успенский: Критико-биографический очерк. Л., 1969.

Н. Б. Банк

УСПЕНСКИЙ Эдуард Николаевич [22.12.1937, г. Егорьевск Московской обл.] — прозаик, поэт, драматург.

В 1961 окончил Московский авиационный ин-т. Печатался с 1960. С первых же публикаций проявилась жанровая универсальность У. В 1965 в Москве вышел его первый поэтический сб. **«Смешной слоненок»**, в 1966 опубликована прозаическая повесть-сказка **«Крокодил Гена и его друзья»**, в этом же году совместно с др. драматургами У. выпустил сценарий для новогодней елки **«Волшебное время»**. Поэтические сб., выходившие в разные годы, — **«Разноцветная семейка»** (1967), **«Удивительное дело»** (1968), **«Воздушные шары»** (1971), **«Гололед»** (1973), **«Академик Иванов»** (1974), **«Все в порядке»** (1976), **«Повтори»** (1976), **«Над нашей квартирой»** (1980), **«Если бы я был девочкой»** (1983) и др. — вместили в себя богатый спектр творческих поисков У. Описательно-бытовые сюжеты стих. **«Птичий рынок»**, **«Буренушка»**, **«Лифтовый зверь»**, **«Все в порядке»** и др. имеют тот необходимый коэффициент занимательности и неожиданности, который способен заинтересовать ребенка и исподволь научить его чему-нибудь полезному; а своеобразный ритм позволил на основе многих из них создать песенки, получившие широкую известность. Во многом, как ритмически, так и содержательно, стихи У. ориентированы на лит. и фольклорные традиции. Так, стих. **«Рыболов»**, описывающее сборы на рыбалку: «Взял самовар, / Чтобы чай кипятить. / Взял он кровать, / Чтобы спать на кровати. / <...> Взял он собаку, чтоб